

Георгий Хазагеров

Партия, власть и риторика

**ТРИ ВИДА
СЛОВЕСНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ:**

приказ,
манипулирование,
убеждение

**ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО:**

как его создать

**НОВЫЙ
СЛУШАТЕЛЬ:**

как его
приобрести

**СТАРЫЙ
СЛУШАТЕЛЬ:**

Серия «Политучеба»

Георгий Хазагеров

ПАРТИЯ, ВЛАСТЬ
И РИТОРИКА

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 323.2
ББК 66.3 (2Рос)
Х 41

Серия «Политучеба»
Серия основана в 2006 году в Москве

Георгий Хазагеров.
Партия, власть и риторика. – М.: Издательство «Европа»,
2006. – 48 с. – (Политучеба)

Георгий Хазагеров – один из лучших в России специалистов по риторике. В сфере его интересов – виды и жанры искусства убеждения, способы посредством слова добиваться политического результата.

Данная брошюра посвящена узкой теме – политической риторике власти. Автор раскрывает основные риторические задачи, которые вынуждена решать любая политическая сила, оказавшаяся в роли «партии власти». Как объяснять людям непопулярные решения? Как достойно отвечать на зачастую голословные, но хлесткие обвинения оппозиции? Общие принципы и конкретные примеры – в данной брошюре.

Georgy Khazagerov is a foremost Russian rhetorics guru. The scope of his interests includes all genres of the art of persuasion, ways of obtaining political results with the proficient use of words.

The present brochure is treating the narrow subject of the power rhetorics. The author is uncovers the principal tasks of rhetorics that any political force playing the role of the «party of power» has to tackle. How are the unpopular decisions to be explained to people? How to give a decent answer to the straight-from-the-shoulder and oftentimes baseless accusations from the opposition camp? This book contains general principles as well as case studies.

ISBN 5-9739-0060-6

© Издательство «Европа», 2006
© Getty/PHOTONICA/FOTO S.A.,
фото на обложке, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРЕДЛАГАЕМАЯ БРОШЮРА написана профессором Георгием Хазагеровым и представляет собой концентрированное изложение его книги «Риторика власти в России».

Брошюра помогает рассеять господствующее в обществе неверное представление о политической риторике и риторике вообще как о совокупности ухищрений из области обмана и манипулирования. Она вводит читателя в мир подлинной риторики, т. е. науки об убеждающей речи, предполагающей культуру мысли и общения и способствующей выработке этой культуры в обществе.

Не тратя времени на обличение риторики обмана и манипулирования, этическая оценка которой самоочевидна, автор показывает ограниченность манипулятивной

риторики, ее неадекватность сложившейся общественной ситуации. Ораторы, исповедующие сегодня принцип «чем хитрее, тем эффективнее», в недалеком будущем рискуют остаться у разбитого корыта. В этом отношении брошюра особенно полезна молодым политикам и вообще всем молодым людям, которым предстоит работать в новой общественной и риторической парадигме.

Современные российские пиар-технологии во многом антириторичны. Современный оратор, работающий в российском общественно-политическом пространстве, будь то журналистика или политическая деятельность, зачастую сам не в состоянии сформулировать собственную позицию, тем более – взвешенно обдумать и понять позицию своего оппонента, и тем не менее уже готов вступить в борьбу. Он начинает убеждать раньше, чем убедится сам, и пото-

му действует исходя из завышенных представлений о собственном превосходстве над слушателями.

Риторика стимулирует расширение кругозора говорящего в той области, в которой он предполагает действовать. Политическая риторика, в частности, невозможна без знаний культурологического и лингвистического характера. В предлагаемом тексте как раз и сообщаются такие сведения. Диалог власти и народа, власти и интеллигенции рассматривается автором в культурном контексте, во многом определяющем специфику этого общения. Анализируются те стандартные ситуации, доводы, риторические ходы, которые и создают пейзаж политической риторики.

Риторика – это не только культура мысли и слова, но и культура общения. Общественная миссия подлинной риторики – окультуривание публичного пространства. Этим проблемам также уделено внимание в брошюре.

В сущности, подлинная риторика отличается от исчерпавшей се-

бя парадигмы манипулятивных технологий тем, что предлагает сначала честно и всесторонне обдумать предмет убеждения и лишь затем начинать убеждать, в то время как действующие сегодня пиар-технологии вообще не включают в себя процесс обдумывания. Все их стратегии направлены на быстрые поиски того или иного сиюминутно эффективного хода без осознания стратегических последствий того, что предлагается предпринять в общественно-политическом пространстве, и, как правило, без ясного понимания предмета, о котором идет речь.

Сложившаяся сегодня в России политическая конструкция представляет собой президентскую республику, в которой политика президента поддерживается наиболее рейтинговой «президентской партией» – «Единой Россией». На эту партию ложится основная работа по подготовке государственных решений и их аргументированию, «проговариванию» – как внутри представительных органов власти,

так и в публичном пространстве. Без освоения риторики убеждения решение этих задач может оказаться проблематичным. Сила хорошо обоснованных аргументов должна стать главной опорой политической власти в России во всех ее ветвях.

Надеюсь, что предлагаемый текст дает некоторые ориентиры в поисках новой риторической парадигмы – парадигмы подлинной, а не мнимой убедительности.

Сергей Белановский,
социолог

ТРИ ВИДА СЛОВЕСНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

СУЩЕСТВУЕТ ТРИ ВИДА словесного воздействия: приказ, манипулирование, убеждение.

Приведем бытовые примеры. Вы заставляете ребенка надеть кашне. Это приказ. Ребенок не слушается, и вы рассказываете ему сказку про мальчика, который не слушался папу и маму. Это манипулирование. Взрослый сын едет в командировку, и вы советуете ему взять теплые вещи, аргументируя это тем, что слышали сводку погоды и видели по телевизору заснеженные улицы города, в который он едет. Это убеждение.

Первый и третий виды объединены тем, что воздействуют на логическую сферу человеческого сознания: и приказ, и убеждение должны быть ясны, конкретны, логически прозрачны.

Второй и третий способы воздействия объединены тем, что они апеллируют к образному мышлению. Манипулирование вообще «правополушарно», т. е. воздействует исключительно на воображение и не выдерживает логического анализа, а убеждение хорошо тогда, когда к логике присоединяется психология.

Таким образом, именно убеждение – самая полноценная форма речевого воздействия, она предполагает и логическую прозрачность, и яркую образность, которая усиливает эту прозрачность и делает речь запоминающейся. В этом смысле убеждение «двуполушарно». Приказ и манипулирование односторонни: первый апеллирует к рассудку – необходимо подчиниться (в случае, когда иного выхода нет), второе – к воображению.

Тем не менее на практике нередко именно убеждение отодвигается на второй план, а распространение

получает манипулятивная риторика или риторика приказа. На это есть свои причины. В частности, в убеждении мало заинтересована популистская риторика.

ПОПУЛИСТСКАЯ РИТОРИКА ПРИВОДИТ В ТУПИК

ШИРОКОМАСШТАБНЫЙ риторический популизм начал складываться тогда, когда у власти возникли электоральные проблемы. Сразу же была нащупана очень заманчивая на первый взгляд риторическая тактика. На деле, однако, следуя этой тактике, власть быстро загоняет себя в угол.

Тактика состоит в том, что у электората выясняются его запросы, затем ему обещается их выполнение. Как именно такое выполнение будет происходить, не разъясняется. Риторика убеждения с ее прояснением ситуации здесь не нужна. В самом деле, че-

ловека не нужно убеждать в том, что порядок на улицах или высокий жизненный уровень населения – это хорошо. Человека нужно убедить лишь «правильно» проголосовать. Это и заставляет обратиться к манипулятивной риторике, и вот почему.

Предвыборные платформы, экстрагированные из электоральных ожиданий, по естественным причинам становятся похожими друг на друга, как близнецы-братья. Они и есть дети одних и тех же маркетинговых исследований. В такой ситуации обосновать преимущества одной платформы перед другой можно только с помощью манипулирования, блокирующего аналитическое мышление. На сцену выходит риторика, ходящая вокруг да около предмета, а не берущая быка за рога, не проникающая в суть предмета, как это бывает, когда мы хотим с кем-нибудь договориться. Мы ведь в быту не объясняем со взрослыми людьми с помощью слоганов или блестящих предметов, отвлекающих внимание, мы не снимаем

клипы, чтобы убедить взрослого сына взять в командировку теплые вещи. Мы настраиваемся на диалог и приводим доводы. Хорошо, если доводы подкрепляются образами.

О том, как работает и не работает манипулятивная риторика, скажем в следующем пункте. Здесь же отметим то, что, став на путь популизма, власть лишает себя возможности обосновывать непопулярные меры, без чего никакая власть долго просуществовать не может. Как это происходит?

Понять, как устроен капкан популизма, можно на примере концепта «реформы». Новая российская власть сказала населению: все было неправильно, теперь мы проведем реформы – и жизнь наладится. Что можно ответить на это, кроме «Проводите!»? Но дальше следуют вопросы: «А почему

жизнь не наладилась?» На это отвечают уклончиво: «Реформы пробуксовывают». Но что должен делать обыватель, чтобы они не буксовали?

В самом деле, человека не нужно убеждать в том, что порядок на улицах или высокий жизненный уровень населения – это хорошо. Человека нужно убедить лишь «правильно» прогослововать.

В самом деле, человека не нужно убеждать в том, что по-

рядок на улицах или высокий жизненный уровень населения – это хорошо. Человека нужно убедить лишь «правильно» прогослововать.

ственники или даже американцы. Но обыватель не в состоянии самостоятельно увольнять с работы бюрократов, не имеет власти над прошлым и не может унять американцев. Игра в поиски виноватого оставляет народ в кресле зрителя. Это скверная позиция и для власти, и для народа. Попробуйте объяснить зрителю с театральной сцены, что по ходу пьесы ему надо платить налоги и служить в армии. «Об этом мы не до-

Популистская риторика превращает народ в зрителя, перед которым она извиняется за причиненные неудобства, плохую игру актеров. Она неизбежно вынуждена искать виноватого, будь то бюрократы, предше-

говаривались, – резонно скажет зритель. – А вот что буфет у вас не работает – это безобразия».

Поиски «врага» – тоже палка о двух концах, ибо выдуманные враги обладают одним опасным качеством: они имеют тенденцию к росту, и рано или поздно в их ряды попадает сама власть, тем более что дорожка для этого протоптана критикой предшественников и оппонентов. Дело в том, что «враг» имеет одно инвариантное качество: он не такой, как ты. Он иной национальностью, иной веры, иной внешности, иного достатка, иного образа жизни и т. п. Враг, настоящий или мнимый, это всегда некто чужой. И чем более надуманна враждебность «чужих», чем больше «чужих» попадает в список врагов, тем больший удельный вес приобретает само инвариантное качество: не такой, как я. Совершенно очевидно, что любая власть подхо-

дит под эту формулу в неменьшей степени, чем какие бы то ни было «олигархи». Как и всех «чужих», народ называет власть «они».

Популистская риторика не в состоянии вывести власть из зоны «они», хотя и постоянно провозглашает себя как «мы». Но, чтобы «мы» возникло реально, надо сначала

стать в позицию «я и ты», т. е. построить диалог так, чтобы были очевидны взаимные обязательства власти и народа, а именно этого популистская риторика сделать и не

Популистская риторика превращает народ в зрителя, перед которым она извиняется за причиненные неудобства и плохую игру актеров.

решается. Для такого диалога манипулятивная риторика бесполезна. Здесь нужно полнокровное разъяснение, которое могло бы служить длительным ориентиром для народа, а не слоганы на час. Именно такого разъяснения и ждет, судя по данным социологических опросов, от власти народ.

Но может быть, можно обойтись и без разъяснений и, уйдя от по-

пулизма, сохранить манипулятивную риторику, которая лучше всяких разъяснений сделает страну управляемой?

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОПАСНО

СО СТОРОНЫ манипулятивная риторика выглядит как сладостная возможность охмурять миллионы людей и вести их за собой куда угодно, подобно Крысолову из немецкого фольклора. В том, что такая возможность не выдумка, убеждают тоталитарные режимы двадцатого века. Миллионы людей действовали вопреки своей выгоде, проявляя и редкую жертвенность, и редкую жестокость. Люди же, которые их за собой вели, отнюдь не спустились с небес, а подчас не имели даже среднего образования. Нет даже твердой уверенности в их психической полноценности. «Так каких же результатов можно добиться, если взяться за манипу-

лирование с должной подготовкой и современными средствами тиражирования информации, с современными возможностями организовывать массовые ритуалы!» – вот такая мысль кружит голову, хотя интуиция и подсказывает, что что-то здесь не так. Что же не так?

А не так все: манипуляторы, манипулируемые и сама манипуляция.

Начнем с манипуляторов. Миф и рефлексия – две вещи несовместные. Основатели тоталитарных мифов сами в них верили, именно поэтому эти мифы служили живым воплощением социальной грезы, самим своим существованием свидетельствуя о ее жизненности. Анализ советской риторики показывает, что основные приемы, оказавшие гипнотическое воздействие на народ, не были до конца осознаны самой властью. Власть даже не имела специального языка для описания этих приемов. Ее теория агитации и пропаганды сама была частью мифа и не объясняла реальных пружин воздействия. Когда транс

закончился, риторика власти механически продолжала воспроизводить собственные шаблоны, но чем интенсивнее она это делала, тем больше способствовала собственному разоблачению. Истинные манипуляторы были не фокусниками, а колдунами. Высшее образование и психическое здоровье для этого в самом деле не обязательны. Но люди, декларирующие грамотность и компетентность, меньше пригодны к пляскам у костра. Подплясывать же слегка — это только смешить окружающих.

Теперь о жертвах манипуляции. Там, где имеет место тотальный миф, а не серия скоротечных и мелких подтасовок, «массы» получают от «вождей» наркотик, о котором долго не могут забыть, даже поняв, что были одурачены. Этот наркотик — вполне реальное чувство единения, единения вок-

руг вождя и коллективной грезы. Именно эта анестезия делает народ нечувствительным к потерям и требованиям морали. Во зло ли употреблена эта сила или во благо, но нужны достаточно редкие условия, чтобы эта анестезия смогла действовать в широком масштабе, и притом действовать

В обществе должно быть бродильное начало в виде большого количества людей, оторванных от традиции, не имеющих образования и плохо ориентирующихся в новых реалиях.

долго, а не на период кратковременных бедствий. В обществе должно быть бродильное начало в виде большого количества людей, оторванных от традиции, не имеющих образования, плохо ориентирующихся в новых реалиях. Короче говоря, нужны миллионы полуграмотных крестьян, хлынувших в города. Сейчас, когда прирост городского населения сохраняется только в трех городах России, ситуация иная. Лучшие кандидаты в манипулируемые сегодня — это мигранты.

Наконец, о манипуляции. Всякая манипуляция зиждется на сокрытии независимых источников информации. Кстати, это было единственным свойством манипулятивной риторики, которое советская власть осознавала со всей ясностью. Одно дело – творить миф, для этого необходимо быть сопричастным ему, другое дело – его оберегать. Здесь вполне сознательно использовалась тактика информационной блокады. На фоне информационной блокады и тоже вполне сознательно применялась тактика ложного дискутирования, когда слова оппонентов выдергивались из контекста, перетолковывались, часто просто приписывались кому следует. И, уж конечно, возразить на критику власти в публичном пространстве оппоненты никак не могли. Насколько отвечает таким играм современная информационная среда, гадать не приходится.

Сегодня делать ставку на широкомасштабное манипулирование в духе тридцатых годов было бы ошибкой, по крайней мере для

такой власти, которая не хочет рисковать своей головой и страной. А манипулирование по мелочам ведет лишь к падению доверия, утрате репутации.

Что же в таком случае делать? Прежде чем ответить на этот вопрос, кратко остановимся еще на двух соблазнах: на тактике замалчивания и риторике приказа, а заодно поговорим и о репутации власти.

ТАКТИКА ЗАМАЛЧИВАНИЯ ВРЕДИТ РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ

ТАКТИКА замалчивания – это манипулирование для бедных, пассивная форма манипулирования. Когда власть не в состоянии рассказывать сказки, тогда она полагается на сказки уже рассказанные, а по острым вопросам попросту отмалчивается. Именно эта тактика привела царскую власть к полному краху:

в ее запаснике не оказалось языка, на котором можно было бы говорить с народом. Активная и смелая риторика власти восемнадцатого столетия сменилась в девятнадцатом веке страхом перед «проклятыми вопросами». Ставка была сделана на цензурные запреты и придание благообразного вида фасаду самодержавия. В качестве одиозного примера можно привести попытку запретить в печатных изданиях употребление слова «прогресс».

Но еще красноречивее то обстоятельство, что власть проявила недоверие даже к тем из властителей дум, кто был настроен достаточно консервативно и лояльно.

Царская власть, как и поздняя советская, продолжала молчаливо занимать оборонительную позицию даже тогда, когда наступа-

тельные потенции ее риторики (старая сказка) явно находились на исходе. Щит молчания защищал если не пустое, то пустеющее

место, никакого словесного меча защитом не обнаруживалось. Подобное положение никогда не ускользает от реципиентов риторики.

Замалчивание правды – вид лжи. Ложь, как бы ни относиться к ней с нравственной точки зрения, с точки зрения функциональной – мера

чрезвычайная. Даже если подходить к ней с позиций Макиавелли, придется признать, что это мера вынужденная, разовая и применяться может при условии, что ее можно хоть на какое-то время скрыть. Но Никколо Макиавелли был трезвым мыслителем, а современный человек исходит из презумпции манипулирования:

Сегодня делать ставку на широкомасштабное манипулирование в духе тридцатых годов было бы ошибкой, по крайней мере для такой власти, которая не хочет рисковать своей головой и страной. А манипулирование по мелочам ведет лишь к падению доверия, утрате репутации.

чем кривее путь, тем лучше, тем действеннее. Это сродни детской уверенности в том, что, если порошок горький, он непременно поможет. Положение осложняется тем, что современный человек твердо верит в аксиому: чем энергичнее пропаганда, тем она действеннее. В результате вера в обман в сочетании с настойчивым и однообразным тиражированием пропаганды приводят к результату, противоположному ожиданиям и упованиям власти. Ложь, передержки, замалчивание обнаруживаются тем скорее, чем быстрее обращается маховик пропаганды.

Для риторики категория репутации важнее категории рейтинга. Рейтинг отражает привлечение к политическому явлению общественного внимания. Для некоторых профессий рекламой является сам факт привлечения внимания, безотносительно к оценке. Профессия политика, видимо, в этот список не входит, потому что его задача не развлекать, а управлять. Чтобы управлять, надо, чтобы тебе верили, а для этого надо иметь хоро-

шую репутацию. Своими действиями и словами политик создает себе репутацию открытого или закрытого человека, честного или лживого.

Тактика замалчивания, как и другие мягкие формы манипулирования, может перейти критическую массу и создать неблагоприятную репутацию. Изменить созданную репутацию сложно. Надо учесть, что помимо репутации отдельных политиков есть и общая репутация власти.

ПРИКАЗ ПОВЕРХ ГОЛОВ ТРЕБУЕТ УСЛОВИЙ

В КОНЦЕ СОВЕТСКОГО периода выработался особый способ общения власти с номенклатурой – общение через голову народа. Так выглядели, например, в изобилии публикуемые материалы съездов. Для номенклатуры они были приказом, правда, отданным часто эзоповым языком, одна-

ко вполне понятным. В глазах народа те же материалы выглядели по-другому. Они должны были свидетельствовать, что все идет по плану: партия знает, куда она ведет народ. Таким образом, уже тогда народу предлагалось кресло зрителя, правда, кресло в транспортном средстве, следующем анонсированным курсом. Так еще до электоральных драм возникла популистская или полупопулистская тактика. Результат ее воздействия на народ отражен в анекдоте: вы раскачиваете вагон и делаете вид, что нас везете, а мы делаем вид, что едем.

В постсоветское время риторика для номенклатуры продолжила свое существование, вызывая у народа чувство отчужденности. В самые последние времена была выработана более или менее целесообразная формула такой риторики, когда средствами массовой информации народу регулярно предъявляется инструктаж высшей власти властью еще более высшей.

Использовать риторику приказа, чтобы воздействовать не на

служилых людей, а на все население, можно только тогда, когда для этого есть соответствующая конъюнктура. Нетрудно понять, что сегодня такой конъюнктуры нет.

УБЕЖДЕНИЕ ТРУДНЕЕ, НО ЭФФЕКТИВНЕЕ ПОПУЛИЗМА

ПРИРОДА ВЛАСТИ основана на недобровольном, вынужденном сотрудничестве людей, и всякая власть так или иначе вынуждена прибегать к непопулярным мерам. От того, как власть сможет обосновать эти меры, напрямую зависят ее долголетие и управляемость страной.

Обоснование непопулярных мер находится в одном понятийном и психологическом поле с популизмом. Переусердствовав в популизме, власть может оказаться без риторической поддержки непопулярных мер и будет вынуждена проводить их с помощью об-

мана или прямого насилия. Власть, ставшая заложницей популизма, движется к выбору между диктатурой и утратой власти.

Безусловно, некоторый популизм власти необходим, особенно в связи с предвыборными кампаниями. Однако полезно понимать,

что популизм — это мера, обеспечивающая кратковременный успех за счет долговременных потерь.

В каком-то смысле это воровство у самого себя. Более

того, многократно проявленный популизм разрушает социальный договор между властью и народом, потому что подрывает саму основу всякого договора — обязательства и вытекающую из них ответственность.

Каким же образом обосновывать непопулярные меры?

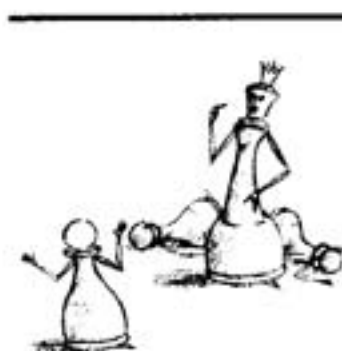
Здесь лучше всего действовать убеждением. Но, чтобы действовать правильно, надо различать два случая. В первом случае мож-

но опереться на прецедент и всенародно признанные истины, во втором — нельзя, потому что решается вопрос, по которому народ и власть ранее не договаривались, ни гласно, ни негласно.

Вот яркий пример первого случая. Когда Англия вступила во Вто-

рую мировую войну, Уинстон Черчилль, беспорный национальный лидер, прямо заявил, что обещать народу он может лишь кровь и страдание. Сталин перед ли-

цом фашистской агрессии оставил пролетарскую риторику с ее ориентацией на рабочую солидарность и мировую революцию и произнес знаменитое «братья и сестры». И русские, и англичане имели исторический опыт войн, и те и другие прекрасно понимали, что такое большая война, но знали также и то, что люди готовы идти на немалые жертвы ради спасения своего дома и своей национальной свободы.

Полезно понимать, что популизм — это мера, обеспечивающая кратковременный успех за счет долговременных потерь.

Идеи мировой революции тоже требуют жертв, и были люди, которые на эти жертвы шли. Но целые народы своей подписи под этими идеями никогда не ставили. Несмотря на победу большевиков в революции и Гражданской войне и двадцать лет советской пропаганды, идея «мирового пожара» и нравственно, и эмоционально сильно уступает идее национального патриотизма – правоте человека, защищающего свой дом. Поэтому в риторике союзников и в советской риторике прозвучали одни и те же мотивы: и там, и здесь вспомнили о Боге и истории.

Пример второго случая – проблема уплаты налогов в современной России. Народу не скажешь: «Наши отцы-деды платили налоги, так заплатим же и мы!» В первом случае высокий тон взять легко, во втором он может вызвать насмешку. Поэтому такие ситуации и следует рассматривать отдельно, иначе трудно объяснить странный парадокс: почему один и тот же человек способен пойти на

смерть ради высших целей и обмануть контролера в трамвае ради сомнительной экономии в несколько рублей.

НЕПОПУЛЯРНЫЕ МЕРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОБОСНОВАНЫ

НЕ СЛЕДУЕТ, ОДНАКО, думать, что для обоснования непопулярных мер необходима экстремальная ситуация или ее имитация. Любые непопулярные меры – призыв потуже затянуть пояса, идти воевать или просто в армию, отмена каких-либо льгот, увеличение цен и т. п. – имеют одну общую природу: людям предлагается сделать нечто, что идет вразрез с их выгодой. Риторика непопулярных мер не представляет собой ничего сверхсложного. Готовность поступать наперекор своей выгоде биологически заложена в человеке, вопрос лишь в том, считает ли этот человек, что на-

стал именно такой момент, когда стоит это делать. Риторика должна убедить: да, это такой момент. Ведь действовать ради своей выгоды тоже в природе человека, и мало сказать ему: «Ставь общественное выше личного!» Адресат риторики должен почувствовать: сейчас не тот случай, когда надо блюсти свой интерес, сейчас другой, противоположный случай.

Таким образом, риторика непопулярных мер основана на самом обычном узнавании, на концентрации примет, по которым опознается «тот случай», «тот момент» и отвергается все остальное. Разумеется, это возможно только при условии, что подобные прецеденты уже были. Тогда чем больше «узнавания», тем эффективнее риторика. Власть должна дать народу почувствовать, что не обманывает его, что вводимые ограничения – это не ее каприз, но требования именно того момента, который давно «прописан в договоре».

Поэтому риторика непопулярных мер широко пользуется историческими параллелями, воссоз-

дает узнаваемый контекст, ссылается на авторитеты прошлого, на священные тексты. Разумеется, при этом нельзя ссылаться на неоднозначно трактуемые прецеденты и на неоднозначные авторитеты. В таких вопросах неуместна партийность, здесь необходимо, что называется, консолидированное согласие. Это означает, что по меньшей мере семьдесят – восемьдесят процентов слушателей если и не готовы принять самую непопулярную меру, то во всяком случае готовы признать правоту говорящего, правоту убеждающего, а не манипулирующего общественным сознанием.

В каком случае, например, можно было бы сказать, что консолидированное большинство готово платить налоги? Наверное, в том, если большая часть населения сказала бы: «Что ж делать, придется платить», меньшая: «Да, все верно, это справедливо, вот только мне сейчас тяжело, попробую уклониться», и лишь совсем небольшая группа, считанные единицы: «Все равно не буду платить!» Но

если большинство задает вопрос: «А нас спрашивали, когда обещались наши вклады?», то перед нами уже не первый, а второй случай, тот самый, когда непопулярная мера не «прописана» в негласном договоре. Апелляция к высшим началам здесь не поможет.

Спутать второй случай с первым – значит принять желаемое за действительное и в лучшем случае заставить маховик пропаганды работать вхолостую, а в худшем – подорвать авторитет власти.

ПРЕЦЕДЕНТ КАК СПОСОБ ОБОСНОВАНИЯ

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ состоит в том, что в социальном договоре имеется лакуна и власть должна эту лакуну устранить. Большую тему необходимо вынести на всеобщее обсуждение. Другого пути просто нет: либо смириться с пробелом в социальном договоре, либо собраться с духом и создать пре-

цедент решения застарелой проблемы, на который можно опираться и позже.

Вынести проблему на обсуждение не означает отделаться от нее парой слоганов и остроумными плакатами, скажем, на тему налоговой инспекции. Надо хорошо понимать, что обращение к вопросу, по которому не было достигнуто консенсуса, – серьезный этап в жизни власти и страны в целом. Скупой платит дважды. Разумеется, речь идет не только о денежной скупости, но и о скупости на неприятную или не совсем приятную правду, с которой хлопотно возиться, а потому легче поддаться соблазну промолчать или отделаться дешевой манипуляцией – сказкой про консенсус.

Риторическую кампанию по введению до сих пор «не узаконенной», непопулярной меры можно рассматривать как долгосрочную инвестицию, которая впоследствии окупится не раз и не два. И инвестировать надо не только материальные средства, но и интеллектуальные ресурсы.

В решении застарелых проблем не помогут ни «маленькие хитрости» российского пиара, ни советская привычка брать числом, а не умением, количеством, а не качеством. И, наконец, совсем недопустима здесь привычная игра в молчанку.

Как же все-таки действовать, на какие доводы опираться? Если в том случае, когда прецедент есть и консолидированное большинство признает необходимость непопулярной меры, достаточно опереться на этические доводы, то во втором

случае, когда прецедент только создается, этических доводов недостаточно. Этический довод утверждает: ты должен; прецедент подтверждает: так принято. Но во втором случае последует незамедлительное возражение, и не важно, произнесено оно вслух или нет: «Я никому ничего не должен». Ссылка на «неконвертируемые»

прецеденты также неэффективна. Например: «Налоги платят в Америке» – «Так то Америка!»; «Налоги платили при царе» – «Так то при царе!» В такой ситуации в риторике власти должен возрасти удельный вес так называемых аргументов к пафосу и логосу.

Аргументы к пафосу делятся на угрозы и обещания. Под угрозой

понимается не только прямая угроза со стороны власти: не сделаешь, последует наказание. Это, безусловно, аргумент, но в данном случае не самый действенный. «Уг-

Вынести проблему на обсуждение не означает отделаться от нее парой слоганов и остроумными плакатами, скажем, на тему налоговой инспекции.

роза» – это указание на отрицательные социальные последствия неправильного поведения. Это подкрепляется логосными, логическими аргументами, но не сводится к ним. Недостаточно сказать: «Из А необходимо вытекает Б, поэтому надо делать то-то и то-то». «Угроза» подкрепляется предъявлением образной

эмоционально окрашенной картины, например, картины дефицита, разрухи и т. п. Особенно эффективно то, что находится в пределах эмоциональной памяти нескольких поколений. Угрозы дополняются обещаниями. Это опять-таки не прямое обещание власти: сделаешь – получишь награду, а указание на благие последствия правильного поведения. Здесь требуются яркие образы. Но это не манипулятивные образы «по поводу», а образы, напрямую связанные с проблемой, имеющие логическое подкрепление, прозрачные для анализа.

Как же все-таки должно выглядеть это объяснение власти с народом с целью достижения консенсуса? Не будет ли проговаривание узких мест еще большим запутыванием проблемы, после которого население окончательно вычеркнет обсуждаемый пункт из общественного договора?

Поскольку речь идет о том, что не имело прецедента, цель обсуждения – создать такой прецедент. А это означает, что оно должно

выглядеть как некая веха, остаться в общественной памяти. Это означает также, что обсуждение проблемы должно иметь начало и конец. Последнее очень важно. Дело не должно сводиться к привычному «вбрасыванию» в общественное пространство доморощенных политико-риторических наработок вроде «диктатуры закона». Оно должно состоять в создании политического события. На чисто языковом уровне это означает, что событие получает имя, что с ним связываются определенные словесные формулы и яркие образы, что создаются публичные тексты, которые потом надолго сохраняются в общественном сознании.

Сценарий неманипулятивной риторической кампании должен быть примерно таким. Сначала вопрос поднимается во всем его объеме и сложности и прямо сообщается о желании власти договориться по этому вопросу с народом, чтобы не осталось никаких недомолвок. Высказывается уважение к народу, но требуется и ответное уважение к власти. Причем

речь должна идти не о казенном «уважении к закону», который зачастую никому не известен, а если известен, то не понятен, а если понятен, то выглядит как ограничение, свалившееся на обывателя с небес. Взаимное уважение должно быть обычным, человеческим, т. е. наполненным психологическим содержанием. Далее устанавливаются органи-

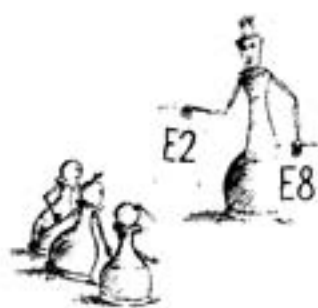
зационные формы договора. Это означает, что оговариваются формы выражения народного согласия по поводу некоего выходного документа («хартии», «меморандума», «договора», «устава», «клятвы», «обязательства», «грамоты», «обещания» и т. п.). Затем начинается само согласование. В ходе этих соборных действий власть, безусловно, узнает для себя нечто новое, чего не сообщали ей пресса и социологические опросы. Поэтому

возможно, что со стороны власти в постановку вопроса будут внесены какие-то коррективы. В конце концов

соборное обсуждение важнее думских согласований.

К дискуссии надо подготовиться. Потребуется свежая аргументативная база, ибо в подобных диалогах исключаются силовое давление и спасительное умолчание. В этом

событии должно наличествовать нечто вроде взаимозачета. Власть и народ должны простить друг другу «недоимки» или учесть их в будущем устройстве. Но самое главное – это экспликация мысли о том, что после соборного решения начинается совсем другая жизнь. Эта мысль должна быть внятно проговорена и иметь символическое выражение. Хорошо это или плохо, но вера в новую жизнь живет в российском наро-

Обсуждение проблемы должно иметь начало и конец. Последнее очень важно. Дело не должно сводиться к привычному «вбрасыванию» в общественное пространство доморощенных политикориторических наработок вроде «диктатуры закона».

де на всех уровнях. Только новая жизнь – это не кот в мешке, а хорошо обозримая отовсюду вежа.

Конечно, непопулярные меры можно проводить и без их обоснования или с ложным обоснованием, но тогда и результат будет соответствующий – или никакого, или ложный.

РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРВОГО ЛИЦА: «ВОЖДЬ», «ОТЕЦ» И «УЧИТЕЛЬ»

КАК НИ ВАЖНО обоснование непопулярных мер, риторика власти к ним не сводится. Есть такие ее области, в которых власть имеет фору. Вопрос только в том, чтобы быть последовательной и этой форой воспользоваться.

Такой областью являются «ипостаси» первого лица государства, задающие стиль самой власти. Речь идет о трех плоскостях, в которых может заявить о себе выс-

шая власть и которым соответствуют три риторических довода ее легитимности: доводы к пафосу, доводы к логосу и доводы к этосу.

Легче всего понять специфику этих плоскостей на примере титулования Сталина, рискнувшего заявить о себе во всех возможных ипостасях – вождь, отец и учитель.

Имя «вождь» подразумевает, что глава государства не просто правит, но и ведет за собой народ. Русские цари не были вождями, точнее, они становились ими, если во время войны командовали армией. До революции вождь отождествлялся с военачальником. Однако в послереволюционные времена, когда целью жизни был провозглашен коммунизм, лицом, ведущим к этой цели, вождем стал глава партии. Риторика вождя опирается на пафосные доводы, апеллирует к чувству самых широких масс. Вождь и народ постоянно находятся в эмоциональном контакте. Глава государства становится вождем постольку и настолько, поскольку и насколько он ведет страну к некой цели и народ

находится с ним в эмоциональном контакте.

Слова «харизматическая личность» мало что дают для понимания феномена вождя. Вождь – это прежде всего социальная функция, а затем способ обоснования власти, ее легитимизации. На примерах Ленина и Сталина, безусловных вождей, видно, что вождь может быть как ниспровергателем государства, так и государственным, правда, очень своеобразным, потому что поддерживать *status quo* и ставить сверхзадачи – разные вещи.

Вопрос, когда и в какой мере стране нужны вожди, лежит вне компетенции риторики. Но риторический анализ ясно указывает на то, что вождь – это особое состояние главы государства и что в той мере, в какой он мыслит себя вождем, он и должен выстраивать свое риторическое поведение как поведение вождистское, т. е. декларировать свою цель и находиться в эмоциональном контакте с народом на всем пути движения к ней.

«Отец» – это инвариантная характеристика всякой авторитарной власти. Это слово подразумевает, что государство строится по аналогии с большой семьей, где есть старший, наделенный высшей властью и отвечающий за все. В такой позиции находились все русские цари, и стоящий за этой позицией довод раскрывается в формуле «надежа-царь» (ее современное соответствие – неуклюжее слово «гарант»). Главный довод единовластия, вопреки мнению и его поборников, и его критиков, носит не эмоциональный, «подкорковый», а вполне логический характер. Этот довод состоит лишь в том, что кто-то берет на себя всю полноту и ответственность власти. Никакой «харизмы» для этой роли не требуется, а монархист Солоневич считал, что она даже вредна. В этом отношении генеральные секретари партии были такими же «отцами», как и цари, а президенты продолжили эту же традицию.

Повторим оговорку: риторика не решает вопроса о том, в какой мере

глава государства должен быть «отцом», т. е. авторитарным правителем, но она обязана указать на различие между «отцом» и «вождем». Обоснование «отцовства» и «вождизма» имеет разную природу, что напрямую связано с проблемой выбора риторических стратегий.

«Учитель» есть нечто третье. В пределе роль «учителя» предполагает идеократическое государство. Помимо Сталина, пре-

тендовавшего на все формы единоличной власти, «учителями» были Петр, Екатерина и Ленин. «Учительство» Ивана Грозного было ограничено церковью, главой которой он стать не мог. Учитель —

идеолог на троне, в советской терминологии — «основоположник», «корифей». Позиция «учителя» обрекает правителя на борьбу с духовенством и светской интеллигенцией. Доводы же

«учителя» являются не логическими, а аксиологическими, этическими, в риторической терминологии — этосными.

«Вождь», «отец» и «учитель» — лишь три оси координат. Движение по этим осям в сторону бесконечности имеет мало общего не только с демократией, но и со здравым смыслом. Однако существование этих осей бесспорно, и «нулевое» проявление на каждой

« В о ж д ь » , «отец» и «учитель» — лишь три оси координат. Движение по этим осям в сторону бесконечности имеет мало общего не только с демократией, но и со здравым смыслом.

из них тоже не самый удачный выбор. Совсем не быть «вождем» — значит не иметь контакта с народом, совсем никуда не вести страну. Совсем не быть «отцом» — значит уклониться от ответственности и

ослабить свою власть. Совсем не быть «учителем» можно, но тогда нужно иметь своего «учителя», свои идеологические ориентиры, без чего власть рискует прослыть беспринципной.

Выбрав для себя нужные константы «вождизма», «отцовства» и «учительства», глава государства выбирает и стратегию своей риторики, фактически он выбирает роль, в какой предстанет перед народом. Конечно же, он выбирает нечто большее, чем «имидж».

ВЛАСТЬ ВСЕГДА ВИНОВАТА ЗАРАНЕЕ

У ВЛАСТИ ЕСТЬ не только форма, но и нечто ей противоположное – опасность подвергнуться удару дамоклова меча сторонней критики, поэтому риторика власти постоянно вынуждена заниматься ее апологетикой. Во взаимоотношениях российской власти с народом в целом и с интеллигенцией как его рефлектирующей частью есть некие зоны особой чувствительности – своего рода горячие точки.

В отношении народа в целом ориентиром для власти должна

служить следующая градация устойчивых формул народных обвинений:

- ✓ власть не заботится о нас;
- ✓ власть не жалеет нас;
- ✓ власть не уважает нас;
- ✓ власть не понимает нас, не знает наших проблем.

Эти обвинения очень похожи на так называемые статусы классической риторики, т. е. на последовательно защищаемые линии обороны в каком-либо спорном предмете.

Применительно к этим статусам у риторики власти имеются четыре линии обороны. Первый статус выглядит так. Пусть власть не проявила о своих гражданах должной заботы. Это плохо, но почему это произошло? Быть может, у нее просто нет такой возможности? Вот возможность первой линии обороны власти. Здесь власть может сказать: «Да, нет возможности. Мы постоянно думаем об этом, но у нас пока нет необходимых ресурсов, мы их изыскиваем и т. п.».

Если первая линия обороны прорвана, т. е. народ не верит, что дело в объективных трудностях, а

считает, что у власти просто нет к нему жалости, должного сочувствия, реализуется второй, уже более шаткий статус. «Они» нас не пожалели, но почему? Может быть, ради каких-то высших интересов? Ради нашего же будущего? Это возможность для власти еще одной линии обороны. Власть говорит: «Да, приходится терпеть. Жизнь сурова. Мы понимаем, что вам сейчас приходится переносить».

Если же и вторая линия обороны риторики власти прорвана, народ заявляет: «Это оттого, что они не имеют к нам уважения, они нас ни во что не ставят, не считаются с нами!» На пути к полному осознанию враждебности власти остается последний рубеж. Нас не уважают? Почему? Потому что мы сами хороши — ленивы, беспечны, воруем? Это возможность создать еще одну оборонительную позицию, но уже совсем слабую и по-

следнюю. Риторике власти остается сказать недовольным: «Имейте совесть!» Однако доверие к власти уже сильно пошатнулось.

Если и эта линия прорвана, народ формулирует свои выводы: «Они нас

Власть может сказать: «Да, нет возможности. Мы постоянно думаем об этом, но у нас пока нет необходимых ресурсов, мы их изыскиваем и т. п.».

в упор не видят! Заелись!» В этом случае власти дальше отступить некуда, а риторике власти только и остается, что повторять: «Нет, нет, конечно же, нет!», или по старой привычке делать

вид, что ничего не произошло. Но свой приговор народ уже вынес: это не наша власть. Вопрос лишь в формах, которые может принять гражданское неповиновение, но это вопрос уже не к риторике.

Итак, эмоциональный диалог власти и народа строится в виде «лесенки»: «Нет заботы. Нет жалости? — Нет жалости. Нет уважения? — Нет уважения. Нет понимания? — Нет понимания — не наша власть!»

С учетом модели этого диалога должна выстраиваться и риторика

ка власти. **Во-первых**, в ней должна присутствовать демонстрация понимания народных нужд и забот. Если этого нет, дело совсем плохо. Демонстрация понимания — это открытое обращение к болевым точкам, к больным темам. При таком обращении надо прибегать не к казенным словам, даже если они точно выражают смысл происходящего («проблемы жилищно-коммунального хозяйства»), а к тем словам, которые употребляет сам народ, — газ, свет, вода. Правила таковы: чем выше трибуна, с которой произносятся слова о народных нуждах, тем проще должны быть эти слова, чем она ниже, тем больше оснований позволить себе канцелярские обороты и штампы. В тех случаях, когда к канцелярской конкретике обращается начальник низшего звена власти, это может сигнализировать о том, что говорящий находится «в проблеме». Если же к канцелярщине прибегает высшая власть, это сигнализирует лишь об оторванности власти от народа.

Во-вторых, риторика власти должна содержать демонстрацию уважения к народу, к простому человеку. Даже Сталин поднимал тост за «колесики и винтики», за людей, у которых «чины неважные». Главный пассаж власти должен звучать как: «Что мы без вас?!» Власть должна уважать простого человека, понимая, что именно он и есть источник власти, и уважать не потому, что он единица электората, а потому, что он часть народа. В русском языке есть множество способов показать свое уважение к собеседнику. Эта тема настолько актуальна для русского общения, что даже приобрела статус анекдотической (знаменитое «Ты меня уважаешь?»). Слова об уважении вертятся на языке у пьяного, потому что они на уме у трезвого, потому что разобщенность людей, ощущение имущественного неравенства, несоизмеримость того, что обычный человек видит дома, с тем, что он же видит по телевидению или в глянцево-м журнале, создают ощущение уязвимости, за-

девают самолюбие. Возникает острый дефицит уважения, обретающий хорошо узнаваемую форму: «Они нас, наверное, и за людей-то не считают!» А когда «они» нас не считают за людей, мы начинаем относиться к государству, как мужик к барскому лесу: все, что плохо лежит, — наше.

В-третьих, власть должна продемонстрировать жалость к своим подданным, уметь «человеческим языком» выражать сочувствие, говорить о бедах. Народ всегда помнит о том, какой царь, какой правитель, какой хозяин, какой начальник, какой командир жалел, а какой не жалел человека.

Наконец, тема «заботы о человеке» всегда должна присутствовать в кадре или за кадром риторики власти.

Есть еще одна группа болевых точек. Она связана с исторической памятью, и на нее реагирует прежде всего рефлекслирующая часть

общества, те, кто такой памятью обладает и не ограничивается эмоциональной реакцией на события.

Российская власть никогда не была конгениальна русской литературе, достаточно обратиться к феномену всемирного признания последней. Признание русской литературы и институтов российской власти в мире несопоставимо. Поэтому портрет власти, нарисованный этой литературой, и убедителен, и нелюбезен. Он как бы постоянно предъявляется власти мыслящей частью общества, и

Демонстрация понимания — это открытое обращение к болевым точкам, к больным темам.

если власть не хочет с ней поссориться, она вынуждена доказывать, что в своем сегодняшнем виде не соответствует или по крайней мере ста-

рается не соответствовать этому мастерски написанному сатирическому портрету.

Каков же этот портрет с риторической точки зрения? Что инкриминировала российской власти русская классическая литера-

тура и что из инкриминируемого осталось актуальным и сегодня?

Наиболее очевидны четыре пункта обвинения.

Во-первых, власть действует по принципу «тащить и не пущать», т. е. репрессивно.

Во-вторых, она действует келейно, по принципу «как бы чего не вышло», т. е. перестраховочно и негласно.

В-третьих, она безбожно ворует и берет взятки (вспомним знаменитое карамзинское «Воруют!»), т. е. действует антинародно.

В-четвертых, она имеет обыкновение прикрываться высокими словами, т. е. проявляет лицемерие и лживость.

На всех крутых политических поворотах власть вынуждена отвечать по всем предъявленным пунктам обвинения. Следовательно, риторика власти должна научиться держать удар по каждому из них с учетом особенностей текущего момента. Тем более она не должна провоцировать этих обвинений, не должна давать повода к узнаванию этих глубоко выстра-

данных, прочувствованных, отлившихся в яркие художественные образы ситуаций.

ДОВЕРИЕ: ЛЕГКО ОБРЕСТИ, НО ТРУДНО УДЕРЖАТЬ

ОСОБОЕ МЕСТО в диалоге власти и народа занимает тема правды. Как справедливо заметил еще Михайловский, эта тема имеет два преломления: правда-истина и правда-справедливость. Для риторики власти важны оба.

Народ чутко реагирует на открывание и закрывание клапанов правды. У русского, а возможно, и у российского народа в целом есть свойство, о котором академик Д.С. Лихачев писал как о главном народном недостатке. Этот недостаток – излишняя доверчивость, даже легковерие. Как поется в частушке:

*Полюбили сгоряча
Русские рабочие*

*Троцкого и Ильича
И все такое прочее.*

Эта доверчивость компенсируется другим свойством, нашедшим отражение в пословице «Русский мужик задним умом крепок». То, во что легко верится сначала, быстро развеивается, и приходит трезвое понимание жизни, когда расставляются все точки над «і», проговариваются все темы и уже никто и ничто не щадится перед суровым лицом правды.

Совокупность этих двух народных свойств представляет собой ловушку для политического оратора: легко убедить, но трудно закрепить победу. Вся политическая история России — это цепочка романов народа с политическими деятелями, цепочка влюбленностей и разочарований. А так как последующая власть, как правило, охотно критикует предыдущую, эти разочарования получают публичное закрепление.

Риторике власти приходится постоянно помнить о факторе времени. Ей нельзя жить от кампании к кампании, по принципу

сиюминутной и максимально легко достигаемой выгоды: сегодня скажу одно, завтра другое, народ всему поверит. Народ действительно всему поверит, для этого не нужно даже изобретать особенно сложных мыслительных ходов. Но этот же народ во всем и разуверится, а разуверившись, предъявит власти довольно простой и даже грубый счет: «Да ты нам, оказывается, врешь!» Заметим, что в момент его предъявления власть может говорить и правду, но кредит доверия будет уже исчерпан, как в известной притче о Ване и волках.

Власть должна сама открывать клапаны правды, не дожидаясь того, когда это сделает новая власть в своем надгробном слове о старой.

Не меньшее значение имеет и правда-справедливость. Есть некая критическая масса несправедливости, осознание которой взрывоопасно. Обоснование справедливости действий власти — очень важный момент политической риторики. На тему справед-

ливости с народом надо постоянно объясняться. Речь идет, конечно, не об абстрактном разговоре о справедливости как таковой, а об обосновании справедливости существующего положения вещей.

Обоснование справедливости напрямую связано со словесным контактом власти и народа. Русская поговорка говорит: «Любить не люби, да почаще взглядывай». Власть может быть и сакральной, и исполненной таинственности, но ее появление перед народом, особенно в неординарных ситуациях, необходимо. Власть не может позволить себе отсиживаться в убежище.

Однако власти недостаточно просто предъявлять себя. Всякое появление власти, особенно первого лица, перед народом должно быть эмоционально нагружено. Речь идет не об улыбках, рукопожатиях, беседах с простыми

людьми, встречах с детьми и прочих мероприятиях в том же духе. Все это неперемные атрибуты риторики власти, хотя и требующие от нее очень большого такта и чувства меры, а также понимания того, что приемы, год-

Риторике власти нельзя жить от кампании к кампании, по принципу сиюминутной и максимально легкой достигаемой выгоды: сегодня скажу одно, завтра другое, народ всему поверит.

ные еще тридцать лет назад, сегодня требуют если не полного пересмотра, то во всяком случае обновления. Речь идет о другом – об эмоциональном контакте на уровне слов. Всякий крупный выход власти к народу – это повод объясниться с ним на эмоциональном уровне. Именно в этот момент народ и должен признать: «А все-таки это наша власть!» Здесь актуально и все то, что было сказано о правде, и все то, что выше говорилось о градации «забота – жалость – уважение – понимание». На уровне эмоционального контакта между властью и народом долж-

но оставаться как можно меньше недосказанного.

ОБРАЗ ГОВОРЯЩЕГО ДОЛЖЕН БЫТЬ УБЕДИТЕЛЬНЫМ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ достоверность убеждающей речи – дефицитное и, несомненно, востребованное качество русской риторики.

В стране, знающей высочайшие достижения психологической прозы, перед лицом народа, склонного к рассуждениям на психологические темы, и культуры, располагающей языком, прекрасно приспособленным для выражения психологических нюансов, строить риторику на уровне букваря для детей – значит быть или очень самонадеянным, или просто мало осведомленным человеком.

Стремлению к психологической достоверности препятствует обедненное представление об «имидже».

Имидж, как он понимается у нас сегодня, гораздо беднее и схематичнее образа. Чтобы в этом убедиться, достаточно употребить слово «имидж» применительно к иконе, притом что английское image включает и это значение. Но возможно ли выражение «имидж святого»? Можно попробовать применить новое слово к литературному образу – получится «имидж Татьяны Лариной».

Русское судебное красноречие девятнадцатого века, следуя за русской литературой, рисовало развернутые психологические портреты. Этим же искусством овладело и политическое красноречие предреволюционной России. После революции это риторическое наследие оказалось в эмиграции. Психологические портреты старой риторики выгодно отличаются от тех грубых мазков, с помощью которых наспех рисуются современные политические портреты-имиджи. В чем состоит основное различие?

Подражая своим великим современникам – писателям, судебные ораторы заботились о двух ве-

цах – целостности и узнаваемости образа. Сегодняшний пиар не грешит ни тем ни другим. Например, автор современной предвыборной листовки меньше всего заботится о том, чтобы у читателя сложилось цельное впечатление о баллотирующемся политике. Он просто отчитывается по тем пунктам анкеты, за которыми ему мерещится социальный заказ. Противоречия его не заботят. Он сообщает, что кандидат вышел из народной толщи, получил прекрасное образование, жил бедно, возглавил фирму, заботится о простом человеке и – для правдоподобия – любит удить рыбу. Вряд ли Плевако или Кони стяжали бы себе славу составлением подобных жизнеописаний.

Не лучше обстоит дело и с узнаваемостью. Остается только догадываться, почему, рисуя образ нашего доброго знакомого, мы способны создать привлекательный и узнаваемый, да вдобавок еще и запоминающийся портрет, а когда садимся за политическую биографию, на свет появляются нежизнеспособные монстры. Воз-

можно, разгадка состоит в том, что, описывая своим знакомым чей-либо портрет, мы не считаем их ни малыми детьми, ни клиническими идиотами, а вот в реципиенте политической риторики склонны видеть круглого дурака, жадно бросающегося на грубые приманки. Такое мнимое превосходство над слушателем имеет, видимо, свое объяснение: не надеясь на собственное умение, остается уповать только на глупость собеседника.

Узнаваемость образа складывается из психологической достоверности и из достоверности социальной, т. е. из того, что когда-то называлось «изображением жизни в формах самой жизни».

Здесь следует сделать одну важную оговорку. Лучшие судебные ораторы позапрошлого века шли за писателями-реалистами, умело показывали логику характера, да еще и успевали изобразить внутреннюю эволюцию человека, показать его характер в развитии, уделяя большое внимание формированию тех или иных

черт. Современные имиджмейкеры идут параллельным курсом с современной литературой, не особенно озабоченной воспроизведением характера, и невольно копируют постмодернистские приемы. Но то, что позволено писателю, не позволено политику. Пилот пассажирского самолета не может подражать танцору балета. Политик не может быть постмодернистом. В противном случае и политика его примет свойственный искусству постмодерна виртуальный и дегуманизированный характер.

Политический оратор может быть либо реалистом, если он собирается прибегать к убеждению, либо сказочником, если собирается манипулировать общественным сознанием. Но быть художником-авангардистом ему не следует ни при каких обстоятельствах. Искусство бескорыстно и

безопасно, а политический оратор, от слов которого зависят жизненно важные решения, не вправе разыгрывать из себя художественную натуру и увлекаться новомодными эстетическими теориями.

Представляя обществу политика, «правого» или «левого», союзника или противника, необходимо позаботиться о том, чтобы создать узнаваемый и, главное, цельный образ, в который легко поверить не потому, что он, подобно коммерческой ре-

Узнаваемость образа складывается из психологической достоверности и из достоверности социальной, т. е. из того, что когда-то называлось «изображением жизни в формах самой жизни».

кламе, предъявляется каждые пять минут, а потому, что обладает своей собственной логикой, т. е. психологически достоверен.

Во-первых, создавая этот образ, надо ответить на простые вопросы следующей анкеты.

На кого этот человек похож? Есть ли исторические или иные аналогии?

Каков его генезис? Откуда он родом? Каково его социальное происхождение, воспитание, образование?

Что он любит? Каковы его приоритеты и предпочтения?

Во-вторых, надо позаботиться о том, чтобы ответы складывались в единую картину.

В сущности, требования, предъявляемые к образу политика, просты: социальное и психологическое узнавание, ведущее к демонстрации релевантных для воспринимающего отличий одного человека от других. Релевантные, значимые отличия – это не та запоздалая имитация фольклора, когда один добрый молодец изображается с трубкой, другой – с тростью, а третьему для придания индивидуальности имиджмейкер советует слегка заикаться.

Все, что не ведет к узнаванию социального явления, можно сме-

ло не сообщать. Искусство же биографа состоит в том, чтобы

назвать факт не просто положительный, но понятный, узнаваемый и правдоподобный. Столь же необходима и узнаваемость психологическая. В первом случае мы должны иденти-

фицировать явление на основании своего социального опыта, во втором – на основании психического. Сведения положительные, но не подкрепленные узнаванием, бесполезны. Сообщаемые в избытке, они даже могут вызвать отрицательную реакцию.

Политический оратор может быть либо реалистом, если он собирается прибегать к убеждению, либо сказочником, если собирается манипулировать общественным сознанием.

НОВЫЙ СЛУШАТЕЛЬ: КАК ЕГО ПРИОБРЕСТИ

ПОКОЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ, находящихся сегодня у власти, имеет советский опыт. У нового

поколения этого опыта нет. Условия его социализации и карьерного роста совершенно иные, чем в советские времена. К тому же у молодых людей, в силу их материальной самостоятельности, сложилось другое, гораздо более независимое, чем в недавнем прошлом, отношение к людям старшего поколения. Этого нового слушателя государственной риторики надо по меньшей мере знать, иначе риторика превратится в слова, выброшенные на ветер.

Наивно смешивать возрастные черты с чертами поколенческими. Еще наивнее подлаживаться под молодежную, тем более под тинейджерскую культуру. Формы молодежной культуры органично связаны с ее содержанием, с мировосприятием и жизненным опытом молодых людей. Смешон тот, кто надеется взять у этой культуры «упаковку» и вложить в нее свое содержание. Гораздо лучше потратить усилия на изучение специфики молодежной аудитории,

чем на дорогостоящие и бессмысленные подделки под нее. Трудно уговаривать того, кого ты не знаешь. Опасно, вместо того чтобы постараться побольше узнать о своем потенциальном собеседнике, априорно считать его дикарем и предлагать ему в качестве приманки стеклянные бусы. В роли дикаря в этом случае может оказаться сам говорящий. Есть история о том, как одно изолированно живущее племя увидело самолет и попыталось воспроизвести его, сложив из ветвей и изображая звуки работающего двигателя. Точно так же поступает пиармен, имитируя формы молодежной культуры и удивляясь, почему его самолет не взлетает.

Проблема гораздо серьезнее, чем может показаться. Фактически речь идет о том, что люди, родившиеся и выросшие в одной стране, управляют людьми, сформировавшимися в другой. Представьте себе, что вам надо управлять американцами или французами либо что тем или

другим приходится управлять россиянами.

Конечно, положение не столь критично, ведь оба поколения сформированы российской культурой. Однако это как раз и означает, что общий язык можно найти только в глубинах этой культуры, а не в дебрях советского опыта,

который мешает нынешним пятидесятилетним и сорокалетним трезво осознать реальность. Безусловно, связь с материнской культурой, представленной русской классикой девятнадцатого века,

ослаблена для обоих поколений. Но старшие имеют советский опыт, а младшие его избежали. Общий знаменатель находится в дореволюционном прошлом. Благодаря усилиям советской школы советским людям это прошлое в чем-то ближе, но в то же время в чем-то и дальше, в силу тенденциозности

его трактовки в той же самой школе. От молодого поколения это прошлое отстоит дальше из-за культурного слома, но оно же и понятнее из-за отсутствия экзотического советского жизненного опыта и экзотических трактовок истории.

Молодежь нельзя спланировать, спроектировать, инсталлировать.

Это не удалось даже советской власти. Люди, вышедшие из советской десятилетки, оказались совсем не такими, как предполагалось в программах их воспитания. Крах советской риторики не

в последнюю очередь связан именно с этим. Что же говорить о сегодняшнем дне? С молодежью можно и нужно вести диалог, но для этого надо ее понять и найти с ней общий язык, не прельщаясь давно дезавуированными «новинками» тридцатых – пятидесятых годов прошлого века.

С молодежью можно и нужно вести диалог, но для этого надо ее понять и найти с ней общий язык, не прельщаясь давно дезавуированными «новинками» тридцатых – пятидесятых годов прошлого века.

СТАРЫЙ СЛУШАТЕЛЬ: КАК ЕГО НЕ ПОТЕРЯТЬ

ПОМИМО НОВОГО слушателя, у власти есть и старый слушатель, слушатель, которому чуть больше двухсот лет. Это интеллигенция с ее исторической памятью.

Взаимоотношения власти и интеллигенции часто отождествляют с взаимоотношениями власти и оппозиции. Говорят о природной оппозиционности интеллигенции вообще или о традиционной оппозиционности интеллигенции в России. Говорят также о природной революционности, «левизне» интеллигенции, вспоминая события 1917 года и характеристику русской интеллигенции, данную ей той ее частью, которая, разорвав идейные связи с марксизмом и находясь в эмиграции, подводила горькие итоги русской революции. Однако при взгляде на проблему в более широком контексте обнаруживается, что взаимоотношения власти и оппозиции имеют совер-

шенно иную природу и дают совершенно другую риторическую проекцию, чем взаимоотношения власти и интеллигенции. Оппозиция соперничает с властью, играет с ней на одном поле, она является альтернативной, запасной властью, вариантом власти действующей, а извечный конфликт власти и интеллигенции возникает именно вследствие того, что это явления гетерогенные, разнородные, а точнее, вследствие того, что власть и интеллигенция имеют разные зоны ответственности.

Власть ответственна за поддержание порядка, интеллигенция — за сохранность культуры. Ради поддержания порядка власть часто идет на редукцию культуры, пытается ее адаптировать к своим целям, превратить сложную и органичную культурную жизнь в опорный пункт защиты правопорядка. Интеллигенция, напротив, ради свободного развития культуры иногда игнорирует риски, связанные с общественным порядком. Это и есть источник постоянных столкновений, непрекращающе-

гося противостояния власти и интеллигенции, которое может быть осложнено и другими привходящими моментами. Но, чтобы увидеть ситуацию адекватно и сделать правильные выводы относительно риторического диалога власти и интеллигенции, надо трезво взглянуть на инвариантную суть конфликта между ними.

Власть, как и интеллигенция, заинтересована в сохранении культуры, этого генетического кода нации. Утрата культуры означает для власти потерю управляемости. Нормальное же функционирование институтов культуры дает обществу тот уровень социальности, при котором для сохранения порядка не требуется избыточных полицейских мер. Власть, таким образом, нуждается в интеллигенции не только так, как комиссар нуждался в буржуазном специалисте, — она нуждается в интеллигенции как таковой, как в социальной страте, отправляющей свои собственные функции.

Интеллигенция как хранитель культуры, в свою очередь, заинте-

ресована в порядке и нуждается в стабильной власти. Однако интеллигенция опасается (и эти опасения нередко подтверждаются), что ничем не сдерживаемая власть ради достижения порядка прибегнет к культурному редукционизму, т. е. постарается сократить проявления культурной жизни до необходимого ей минимума. В искусстве это может проявиться как жесткая цензура, в точных науках — как завышенная секретность, в науке и искусстве в целом — как поворот к утилитаризму. Власть идет на упрощения, так как сама решает узко утилитарные задачи. В этом случае интеллигенция как носитель культуры чувствует себя задетой, потому что сталкивается, во-первых, с ограничением творческой свободы, во-вторых, со смещением естественных для себя приоритетов. Она реагирует на вмешательство власти в культурную жизнь как на вмешательство грубой и некомпетентной силы, страдающей узостью кругозора и неспособной увидеть ситуацию в целом. Интеллигенция также очень остро реагирует и на

манипулятивное вторжение в зону ее ответственности: использование нравственности как средства осуществления узко политических целей – проблема, обозначившаяся еще во взаимоотношениях власти и церкви.

Власть хранит ключи от управления и справедливо не выпускает их из рук. Интеллигенция хранит ключи от духовной и ментальной сферы и также справедливо не спешит с ними расстаться. Сосредоточение тех и других ключей в одних руках – опыт теократических и идеократических государств. Если власть не решается на строительство такого государства, ей надо вести долгий и непростой диалог с интеллигенцией.

Диалог власти и интеллигенции – это не состязательный диалог вроде судебного, подобный ди-

алогу выборной власти и легальной оппозиции, происходящему на глазах у избирателей. Это решение спорных вопросов на границе зон ответственности. Картина осложняется наличием оппозиции, которая может оказаться к интеллигенции ближе, чем действующая власть, или может создать та-

Диалог власти и интеллигенции – это не состязательный

диалог вроде судебного, подобный диалогу выборной власти и легальной оппозиции, происходящему на глазах у избирателей. Это решение спорных вопросов на границе зон ответственности.

кое впечатление. Другое осложнение возникает из-за того, что недовольство народа находит свое публицистическое выражение также посредством интеллигенции. Еще одна сложность состоит в том, что самому власти в публичном пространстве защищает интеллигенция же. Речь идет, однако, не о внутренней дифференциации интеллигенции, а об интеллигенции в целом, об интеллигенции как об общественной силе, имеющей собственные задачи, и как о риториче-

ском субъекте, имеющем собственный голос.

Власть, если она разумна и не имеет слишком серьезных идеократических амбиций, должна ладить с интеллигенцией, причем не с той ее частью, которая непосредственно состоит у нее на службе, а именно с независимой интеллигенцией, выражающей общее интеллигентское настроение. Само это настроение есть своеобразная экспертная оценка. Когда термометр отношения независимой интеллигенции к власти показывает слишком низкую температуру, власти следует призадуматься над тем, все ли у нее в порядке. Выражаясь точнее, интеллигентские настроения – это даже не термометр, а барометр, потому что в отличие от обычных показателей состояния общественного мнения этот прибор способен предсказать политическое будущее. Опыт показывает: та политическая риторика, которая сегодня «не проходит» через фильтр образованной и независимой части общества, завтра будет отторгнута всем народом.

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: КАК ЕГО СОЗДАТЬ

ВСЕ УЧАСТНИКИ общественного диалога заинтересованы в культивировании публичного пространства.

В низкой речевой культуре, в разбойничьей риторике не заинтересован ни один из участников коммуникации, но меньше всего в этом заинтересована сама власть. Порядок и цивилизованные формы торговли выгодны и продавцам, и покупателям, но именно продавцам особенно выгодно, чтобы торговля велась с прилавков, а не на пустырях и под покровом темноты. Говорящий класс больше других нуждается в упорядочении речевой коммуникации. А из двух субъектов – власти и оппозиции – в порядке больше всего заинтересована действующая власть.

Что значит культивировать публичное пространство? Прежде всего это значит сделать поли-

тическую риторику солидной, культурной, имеющей в обществе хорошую репутацию. В пореформенной России, например, судебное красноречие достигло достаточно высокого уровня. Знаменитые судебные ораторы прошлого были такими же известными и уважаемыми людьми, как и литераторы. А ведь судебная риторика строится на остром столкновении интересов. И все же все участники судебных заседаний равно нуждались в том, чтобы судебное красноречие отвечало определенному уровню риторической культуры.

Мы долго существовали в ситуации, когда власть уступала в культуре среднему выпускнику вуза. Это сформировало в обществе пренебрежение к культуре и преклонение перед силой. Полуграмотная речь, произнесенная с

трибуны, или мат в начальственном кабинете считались хорошим тоном, демонстрацией народности и силы. Но эти времена остались позади. Сегодня слова, произнесенные с высоких трибун, судятся куда строже, чем во времена, когда член политбюро мог не иметь

Что значит культивировать публичное пространство? Прежде всего это значит сделать политическую риторику солидной, культурной, имеющей в обществе хорошую репутацию.

даже начального образования. Может быть, мы и разучились говорить, но мы не разучились слушать. Ведь к нашим услугам и наше историческое прошлое, и политическая культура других стран. Да и сама постсоветская власть написала на своих знаменах: «Грамотность и компетентность». К сожалению, это еще не культура, но и этим словам надо соответствовать.

Безграмотная речь больше не радует сердца слушателей. Примитивность доводов не остается незамеченной, а красота речи является взыскуемым идеалом.

Культивирование публичного пространства может иметь только два исхода: эволюцию и инволюцию с последующим коллапсом. Истории известны многочисленные примеры и того и другого. Современное состояние политической риторики в России с его удивительно невысоким для страны, имевшей огромные достижения в области словесности, уровнем речевой культуры может быть и начальной стадией эволюции, стадией возвращения к цивилизованности, и ступенью, предшествующей распаду и вырождению.

Манипулятивная риторика, ставка на примитив, игра в тоталитарную риторику оболванивания масс (к тому же без реальных ее возможностей), постоянный соблазн подменить полемику интригой — завести подставное лицо,

утаить информацию и ввести в заблуждение — оказывают власти медвежью услугу. Безусловно, есть случаи, когда нечестная игра оправдывает себя если не этически, то по крайней мере функционально. Но меры эти по самой своей сути исключительные, как у нас принято говорить, «специальные», «особые». Становясь повседневными, такие меры теряют не только моральное оправдание, но и функциональный смысл. Манипулятивная риторика тормозит окультуривание публичного пространства, вызывает к жизни второй сценарий, ведущий власть в тупик. Перехитрить природу нельзя. Можно или пользоваться ее законами, или ожидать ее возмездия. Это относится не только к природопользованию, но и к природе человеческого общества.

Серия «Политучеба»

Георгий Хазагеров

ПАРТИЯ, ВЛАСТЬ И РИТОРИКА

Ответственный редактор *Т. Рапопорт*

Художественный редактор *С. Захаров*

Корректор *О. Кандидатова*

Макетирование *А. Монахов*

Иллюстрации *М. Яшин*

Верстка *П. Борисова*

Обложка *А. Жернакова*

Подписано в печать 07.04.2006. Формат 70X100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Journal. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,0

Тираж 2000 экз.

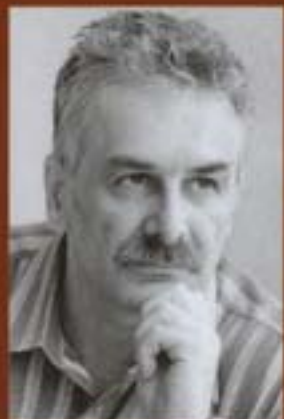
Издательство «Европа»

119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1

тел. 745-52-25, факс 725-78-67

info@europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Баккара-принт»

Хазагеров Георгий Георгиевич (родился в 1949 г.) – доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, в том числе «Введения в русскую филологию» (2000 г.), «Политической риторики» (2001 г.), а также вузовских учебников по риторике. Область специальных научных интересов – рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. На протяжении последних десяти лет активно интересуется риторикой как институтом государственного строительства, что нашло отражение в публицистических выступлениях и культурологических изысканиях.

Данная брошюра посвящена узкой теме – политической риторике власти. Автор, один из лучших в России специалистов по риторике, в сфере интересов которого – виды и жанры искусства убеждения, способы посредством слова добиваться политического результата, раскрывает основные риторические задачи, которые вынуждена решать любая политическая сила, оказавшаяся в роли «партии власти». Как объяснять людям непопулярные решения? Как достойно отвечать на зачастую голословные, но хлесткие обвинения оппозиции? Общие принципы и конкретные примеры – в данной брошюре.

ISBN 5-9739-0060-6

9 785973 900601